

- ²⁶ Там же. Л. 32.
- ²⁷ *Поливанов А. А.* Из дневников... С. 65.
- ²⁸ Подробнее см.: *Куликов С. В.* Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров: Предыстория и механизм // *Источник. Историк. История: Сб. науч. работ.* СПб., 2001. Вып. 1. С. 403–406.
- ²⁹ *Поливанов А. А.* Из дневников... С. 69;
- Шварц А. Н.* Моя переписка со Столыпиным. С. 130.
- ³⁰ Биржевые ведомости. 1909. 23 апр. (6 мая).
- ³¹ Новое время. 1909. 15 (28) апр.
- ³² Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина // *Красный архив.* 1924. Т. 5. С. 120.
- ³³ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. С. 298–301.
- ³⁴ *Шварц А. Н.* Моя переписка со Столыпиным. С. 130.
- ³⁵ Там же. С. 73.
- ³⁶ Там же. С. 130–131.
- ³⁷ *Аврех А. Я.* Столыпин и Третья дума. М., 1968. С. 318–366; *Дякин В. С.* Самодержавие... С. 212–228; *Кризис самодержавия в России.* С. 494–495 и др.
- ³⁸ *Бок М. П.* Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. С. 326.
- ³⁹ *Зырянов П. Н.* Петр Столыпин: Политический портрет. М., 1992. С. 109–110.
- ⁴⁰ *Зеньковский А. В.* Правда о Столыпине. М., 2002. С. 101–102.
- ⁴¹ Подробнее см.: *Федоров Б. Г.* Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: Биография П. А. Столыпина. СПб., 2002. Т. 2. С. 70–79.

Е. Е. Петрова

КОЛЛЕКТИВНОЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ 29 ДЕКАБРЯ 1916 г.: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

В ночь на 17 декабря 1916 г. в Петрограде был убит Г. Е. Распутин. Согласно общепринятой версии, непосредственными участниками заговора были великий князь Дмитрий Павлович, князь Ф. Ф. Юсупов-Сумароков-Эльстон, депутат Государственной думы В. М. Пуришкевич, врач санитарного поезда В. М. Пуришкевича С. Лазаверт и капитан А. С. Сухотин. Известно, что в наказание за участие в убийстве великий князь Дмитрий Павлович был отправлен по приказу императора Николая II в действующую армию, ведущую бои в Персии. Он отбыл к месту расположения войск 23 декабря 1916 г., а 29 декабря 1916 г., спустя 5 дней, было написано коллективное прошение великих князей с просьбой о смягчении наказания для великого князя и перемене места ссылки на одно из имений Дмитрия Павловича. В различных исторических исследованиях, рассматривающих проблемы взаимоотношений великих князей и последнего российского императора, о коллективном прошении великих князей упоминается как о попытке выступления в защиту Дмитрия Павловича. Однакостораживает тот факт, что со времени отбытия Дмитрия Павловича к месту своей ссылки прошло 5 дней и изменить что-либо в судьбе великого князя было уже практически невозможно. Детальное рассмотрение тех событий, которые предшествовали написанию великокняжеского прошения, а также следовали за ним, позволяют несколько по-иному взглянуть на данную проблему.

19 декабря 1916 г. в 6 часов вечера Николай II прибыл из Ставки в Царское Село, о чем свидетельствует запись в Камер-фурьерском журнале.¹ В 11 часов вечера царь

принимал великого князя Павла Александровича (отца великого князя Дмитрия Павловича. — *Е. П.*). Инициатива встречи исходила лично от Павла Александровича, поскольку, приехав в Петроград, он не имел времени переговорить с другими великими князьями.

Позднее великий князь вспоминал об этом разговоре: «„За что арестован мой Дмитрий?“ — задал я вопрос царю. Николай Романов ответил: „За убийство Распутина“. — „Надо сейчас же освободить его из-под ареста“, — заявил я. — „Хорошо, пока нельзя, завтра напишу, — а пока прощай“. Утром следующего дня мне вручили письмо. „Дорогой друг, Павел. Я не могу, к сожалению, отменить домашний арест Дмитрия, пока предварительное следствие не будет закончено. Приказал с этим поторопиться, а также, чтобы Дмитрия охраняли бережно... Молю Господа Бога, чтобы Дмитрий вышел честным и незапятнанным ни в чем. Сердечно твой Николай“».²

Можно предположить, что эта встреча не была столь краткой, как это представляет Павел Александрович. Однако даже в этом отрывке разговора прослеживается позиция великого князя: безусловное освобождение Дмитрия Павловича из-под ареста. С его точки зрения, на великих князей не распространялись нормы уголовного права. Того же мнения придерживались и другие великие князья.

Для того чтобы узнать о встрече Павла Александровича с Николаем II, а также о его свидании с Дмитрием Павловичем, 21 декабря во дворце великого князя Андрея Владимировича собрались великие князья: Мария Павловна, ее сыновья Кирилл и Борис Владимировичи, Павел Александрович и спешно прибывший из Киева Александр Михайлович. Хозяин дворца записал в своем дневнике: «Дядя Павел передал про свидание с Дмитрием, и как он на образе и портрете матери поклялся ему, что в крови этого человека рук не марал. Цель совещания заключалась в том, посылать ли Ники или нет заготовленный ответ, и прочел письмо, которое мы все одобрили».³ Об этом первом коллективном письме есть упоминание в статье, опубликованной в первые дни после Февральской революции в газете «Биржевые новости».⁴ Можно предположить, что это письмо являлось прообразом послания, подписанного и отправленного великими князьями 29 декабря. Однако доказать это невозможно. На встрече великие князья также обсуждали, что они будут делать в том случае, если Николай II не освободит Дмитрия Павловича и поведет следствие до конца. Однако, кроме опасения нежелательных осложнений, ничего не придумали.⁵ Великий князь Андрей Владимирович пишет в своем дневнике о решении вновь отправить к императору великого князя Павла Александровича, который должен был представить всю опасность создавшегося положения.⁶ Но к императору отправился не он, а великий князь Александр Михайлович.

Итак, на следующий день, 22 декабря в 11 часов утра Николай II принимал великого князя Александра Михайловича.⁷ С одной стороны, в своих воспоминаниях великий князь утверждает, что заступиться за Дмитрия и Феликса его просили члены императорской семьи.⁸ Андрей Владимирович записал в своем дневнике: «Разговор с Ники он вел в духе, как мы решили на совещании с дядей Павлом, что все надо прекратить и никого не трогать, в противном случае могут быть крайне нежелательные осложнения».⁹ С другой стороны, данный визит был, вероятно, также продиктован личным стремлением великого князя. Если следовать его воспоминаниям, то он единственный из великих князей воспринял убийство Г. Е. Распутина как «тяжкое преступление». Он был поражен, приехав в Петроград из Киева, «атмосферой обычных слухов и мерзких сплетен, к которым присоединилось злорадное ликование по поводу убийства Распутина и

стремление прославлять Феликса и Дмитрия Павловича».¹⁰ При таком отношении к убийству вряд ли великие князья просили бы Александра Михайловича оказать влияние на ход дела. Отметим, что воспоминания великого князя были написаны спустя годы после этой встречи, уже в эмиграции великий князь Александр Михайлович хотел представить себя сторонником императора, а не великих князей, поэтому он описывает этот визит как встречу двух старых друзей и родственников. «Я молил Бога, чтобы Ники встретил меня сурово. Меня ожидало разочарование. Он обнял меня и стал со мною разговаривать с преувеличенной добротой. Он меня знал слишком хорошо, чтобы понимать, что все мои симпатии на его стороне, и только мой долг отца по отношению к Ирине (дочь великого князя Александра Михайловича была замужем за Ф. Ф. Юсуповым. — Е. П.) заставил меня приехать в Царское Село». Александр Михайлович «произнес защитительную, полную убеждения речь», призвав Николая II «не смотреть на Феликса и Дмитрия Павловича, как на обыкновенных убийц, а как на патриотов, пошедших по ложному пути и вдохновленных желанием спасти родину», он сразу же согласился с императором, что «никто — будь то великий князь или же простой мужик — не имеет права убивать».¹¹

Однако Александр Михайлович был настроен более радикально, чем остальные представители императорской семьи, хотя впоследствии пытался это тщательно скрыть. Отправившись обратно в Киев, Александр Михайлович начал писать письмо, содержащее политические требования. Поэтому очень сомнительно, чтобы во время встречи он выступал только в роли просителя за судьбу заговорщиков. Он требовал большего. И об этом имеются свидетельства.

Так, согласно воспоминаниям А. А. Вырубовой, «великий князь заявился со старшим сыном во дворец. Оставив сына в приемной, он вошел в кабинет государя и от имени семьи требовал прекратить следствие по делу убийства Распутина, в противном случае, он грозил чуть ли не падением престола. Великий князь говорил так громко и дерзко, что голос его слышали посторонние, так как он почему-то и дверь не притворил в соседнюю комнату, где ожидал его сын. Государь говорил после, что он не мог сам оставаться спокойным, до такой степени его возмущало поведение великого князя, но в минуту разговора он безмолвствовал».¹² Косвенно такую версию событий подтверждает и сам Александр Михайлович в своем письме к Николаю II, которое он начал писать три дня спустя. В нем он пишет, что «просил разрешения говорить, как на духу», и, получив его, затронул в речи «почти все вопросы», которые, как он считал, волновали их обоих.¹³ Упоминание угроз содержится в цитирувавшемся выше отрывке из дневника Андрея Владимировича о «нежелательных осложнениях». Поэтому визит Александра Михайловича вряд ли был любезной встречей родственников.

За свое недолгое пребывание в Петрограде Александр Михайлович встречался не только с Николаем II, но и с министрами — Н. А. Добровольским, министром юстиции, от которого требовал, чтобы дело было прекращено;¹⁴ с бывшим председателем правительства А. Ф. Треповым, который, по его же словам, в этом вопросе был «совершенно беспомощным».¹⁵ Наконец, он посетил и министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Выбор посещенных им министров был не случаен.

Согласно дневнику Андрея Владимировича, лишь два министра — «Трепов и Макаров настаивали в Царском Селе на прекращении дела».¹⁶ Т. е. другими словами выступили союзниками великих князей.

Великий князь Николай Михайлович — известный историк, придерживающийся либеральных взглядов, еще в ноябре 1916 г. оказывал поддержку А. Ф. Трепову. Более того, А. Ф. Трепов частично обязан был своим назначением Николаю Михайловичу. Именно он информировал великого князя о событиях, связанных с убийством Г. Е. Распутина, пытался защитить Дмитрия Павловича от агентов А. Д. Протопопова. За свою позицию, по мнению великого князя Николая Михайловича. «Трепов пал...».¹⁷ «Не желая участвовать в судебных спекуляциях, оставил свое место Макаров. Именно с этого момента началось абсолютное царствование господина Протопопова».¹⁸ Министра юстиции А. А. Макарова сменил Н. А. Добровольский, ставший вслед за А. Д. Протопоповым яростным противником прекращения дела.

23 декабря 1916 г. вечером великие князья узнали о ссылке Дмитрия Павловича в Персию, в отряд генерала Баратова. Согласно записям в дневнике Андрея Владимировича, великие князья собрались для того, чтобы «решить, что предпринять. Попытаться ли спасти Дмитрия и помешать его отъезду или предоставить событиям идти своей чередой».¹⁹ Решили последнее. Это решение принимали великие князья Андрей и Кирилл Владимировичи, Гавриил Константинович и великая княгиня Мария Павловна. Позднее их поддержал и великий князь Александр Михайлович.

Единственное, что в этот момент предприняли великие князья, несмотря на позднее время (было около 12 часов ночи), — позвонили по телефону председателю Государственной думы М. В. Родзянко.²⁰ М. В. Родзянко отказался приехать из-за позднего часа, а также из-за боязни вызвать излишние толки. Председатель думы явно не хотел приезжать. Это подтверждается тем, что в своих воспоминаниях М. В. Родзянко говорит даже не об одном, а о двух последовательных звонках великой княгини Марии Павловны.

Настойчивость великих князей была не случайна. Андрей Владимирович называет лишь одну из причин: беспокойство за судьбу Дмитрия Павловича. Но была и другая. Великие князья только что потеряли своих союзников в правительстве в лице А. Ф. Трепова и А. А. Макарова и стали искать поддержки у М. В. Родзянко. Однако в своем выборе они явно ошиблись.

Отказавшись приехать 23 декабря в 12 часов ночи, М. В. Родзянко все же посетил великую княгиню Марию Павловну на следующий день в 2 часа 30 минут. Это подтверждает в своем дневнике близкий к председателю Государственной думы Я. В. Глинка.²¹ При разговоре присутствовали Кирилл и Андрей Владимировичи. «Родзянко стоял на своей точке зрения, что непосредственно он нам в этом деле помочь не может, не имея власти, но морально он, безусловно, на нашей стороне».²² В разговоре были также затронуты министерские перестановки. По мнению М. В. Родзянко, на эти назначения «в Думе будут реагировать очень серьезно».²³

Обещая великим князьям лишь моральную поддержку, М. В. Родзянко в свою очередь решил не упустить удобного случая и попросил их «оказать ему содействие в скорейшем приеме у императора», так как «12 января будет созвана Дума. Он предвидит, что заседание будет бурное, и во что выльется, он предусмотреть не может, но, во всяком случае, ему необходимо сперва видеть Ники, который до сих пор его еще не принял».²⁴ Сам М. В. Родзянко дает несколько иную трактовку разговора.

В своих воспоминаниях он называет это «странным свиданием». Вопрос о ссылке Дмитрия Павловича он даже не затрагивает. Согласно М. В. Родзянко, великая княгиня говорила о внутреннем положении, о бездарности правительства, об А. Д. Протопопове

и об императрице, намекнув даже на необходимость ее физического «устранения». Однако М. В. Родзянко не собирался устраивать подобный заговор.²⁵

Между тем мысли о новом заговоре бродили в умах многих великих князей. В ту же ночь, когда великая княгиня Мария Павловна звонила М. В. Родзянко, великий князь Николай Михайлович сделал следующую запись:

«23 декабря. Половина третьего утра. Только что проводил Дмитрия Павловича, Феликс уехал раньше в Ракитное. Мое почтение, кошмар этих шести дней кончился! А то и сам на старости лет попал бы в убийцы, имея всегда глубочайшее отвращение к убийству ближнего и ко всякой смертной казни.

Не могу еще разобраться в психике молодых людей. Безусловно, они невропаты, какие-то эстеты, и все, что они совершили, — хотя очистили воздух, но — полумера, так как надо обязательно покончить и с Александрой Федоровной и с Протопоповым. Вот видите, снова у меня мелькают замыслы убийств, не вполне еще определенные, но логически необходимые, иначе может быть еще хуже, чем было... С Протопоповым еще возможно поладить, но каким образом обезвредить Александру Федоровну? Задача — почти невыполнимая. Между тем время идет, а с их отъездом и Пуришкевича я других исполнителей не вижу и не знаю. Но ей-ей, я не из породы эстетов и еще менее убийц, надо выбраться на чистый воздух. Скорее бы на охоту в леса, а здесь, живя в этом возбуждении, я натворю и наговорю глупости».²⁶

«Глупости» Николай Михайлович вскоре «натворил и наговорил», но об этом речь пойдет ниже. Отметим желание великого князя поехать на охоту и тот факт, что главные идеи ночной записи Николая Михайловича во многом повторяют содержание разговора великой княгини Марии Павловны с М. В. Родзянко в передаче председателя Государственной думы. Этому не приходится удивляться, 23 декабря, видимо, еще до звонка великой княгини Марии Павловны М. В. Родзянко, Николай Михайлович встречался с председателем Государственной думы и имел с ним «большую беседу».²⁷

Брат великого князя Николая Михайловича, Александр Михайлович, направляющийся в Киев в поезде со своей дочерью Ириной и зятем Ф. Ф. Юсуповым, участником антираспутинского заговора,²⁸ на следующий день начал писать письмо императору. В отличие от других писем данное послание было написано в несколько приемов, в течение месяца, с 25 декабря 1916 г. по 25 января 1917 г. Оно было отослано только 4 февраля. Ниже рассмотрена лишь часть письма, написанная 25 декабря, т. е. сразу после декабрьских событий в Петрограде.

В этом письме Александр Михайлович как бы продолжает свою беседу с Николаем II, которая произошла в столице: «Я считаю, что после всего мною сказанного, я обязан говорить дальше».²⁹ Интересно, что главной темой для продолжения разговора является вовсе не судьба Ф. Ф. Юсупова и великого князя Дмитрия Павловича, а вопрос о составе Совета министров.

Александр Михайлович не предлагает никаких действенных мер, не называет каких-либо фамилий или ведущих идей программы. Главным принципом будущего правительства, с его точки зрения, является доверие между царем и председателем Совета министров, а также между народом и министрами. Единство всего Совета министров в политических вопросах он также считает одним из решающих факторов. Таким образом, выход из создавшегося положения, по мнению Александра Михайловича, — перестановки в Совете министров. Что касается программы действий, то единственное

требование к ней — чтобы «раз установленная программа ни в коем случае не менялась». Но несмотря на приблизительность мер, о которых пишет великий князь, его письмо явилось первым посланием, содержащим примерный план политических преобразований.

Такое содержание письма, вероятно, вызвано не столько убийством Г. Е. Распутина, сколько последовавшими вслед за этим министерскими перестановками. Общение Александра Михайловича с вновь назначенными министрами и с самим Николаем II побудило его написать о необходимости единства действий министров. Все это самым тесным образом перекликается с содержанием разговора между великой княгиней Марией Павловной и М. В. Родзянко. Внутреннее положение, бездарность правительства, А. Д. Протопопов, никак не согласовывавший свои действия с другими министрами, — вот темы, волнующие великих князей в эти дни.

Вернемся в Петроград. При анализе событий тех дней привлекают внимание факты, связанные с великим князем Николаем Михайловичем. Мы уже рассматривали выше его запись с замыслами о заговоре против А. Д. Протопопова и императрицы, написанную в ночь высылки Дмитрия Павловича, 23 декабря 1916 г. Однако свои мысли он доверил не только бумаге. 23 декабря он говорил об этом и с М. В. Родзянко.

И вообще, как отмечали многие его современники, великий князь Николай Михайлович не умел хранить секреты. В эти дни он встречался с полковником Б. А. Энгельгардтом, который вспоминал, что великий князь «в своих отъездах о царской семье был довольно несдержан».³⁰ Отметим, что Николай Михайлович говорил об этом практически с незнакомым человеком. Один из критиков великого князя А. А. Мосолов писал: «В яхт-клубе, где его любили слушать, едкая критика великого князя немало способствовала ослаблению режима. Всеразлагающий сарказм порождал в обществе болезненное отрицание авторитета царской власти».³¹

Сам Николай Михайлович в своих записках писал об этом клубе, что в нем «открыто критиковались поступки и поведение молодой императрицы, рожденной принцессы гессенской».³²

28 декабря вечером, т. е. за день до написания коллективного прошения великими князьями, Николай Михайлович был вызван по телефону прямо из яхт-клуба к министру двора, графу В. Б. Фредериксу. Сам великий князь так описывает их встречу в письме своему другу, французскому историку Ф. Массону: «Граф Фредерикс ... в сбивчивых выражениях уведомил меня о недовольстве Суверена речью, произнесенной мною в яхт-клубе и в других местах».³³ Некоторые подробности этой встречи со слов самого Николая Михайловича записал в своем дневнике великий князь Андрей Владимирович: «Гр. Фредерикс был бодр, но по его лицу видно, что он имел сообщить мне не что-то неприятное — нет, но нечто удивительное. Затем предложил мне сигару. После этого он прочел мне недавно полученное им письмо от государя, примерно следующего содержания: „До меня со всех сторон доходят сведения, что Николай Михайлович в яхт-клубе позволяет себе говорить неподобающие вещи. Передайте ему, чтоб он прекратил эти разговоры, а в противном случае я приму соответствующие меры“».³⁴

Министр двора попросил Николая Михайловича немедленно дать письменные объяснения императору, что тот и сделал. Сам великий князь пишет Ф. Массону о том, что он признавался в этом документе, что «поносил господина Протопопова», но отрицал другие вольности речи.³⁵ Дальнейший текст ответа более подробно передан в дневнике

Андрея Владимировича: «„Как раз в последнее время я редко посещаю яхт-клуб... Пороков у меня много, язык без костей. Единственная может быть моя вина, что еженедельно пишу Марии Федоровне (вдовствующей императрице. — Е. П.) подробное письмо о текущих событиях, по силе своего разума и совести. В этих письмах я пишу все, не стесняясь ничем, и говорю свое мнение, не стесняясь ни лицами, ни другими соображениями. Ежели, тем не менее, мое присутствие в столице будет признано нежелательным, то я уеду в свое имение. В заключение должен еще раз повторить, что возведенное на меня обвинение несправедливо и считаю себя невиновным”».³⁶

Ответ великого князя напоминает в чем-то ответ напроказившего ребенка. С одной стороны, он пытается снять с себя ответственность («Пороков у меня много, язык без костей»). С другой стороны, отстаивает свое мнение, но при этом дерзит, рассказывая, что обо всем пишет матери императора. Зная о длительном противостоянии жены и матери Николая II, он буквально подливает масла в огонь их вражды. Одновременно, упоминая мать-императрицу, он называет своего высокого покровителя. В письме также заметна определенная боязнь ссылки и повторения судьбы Дмитрия Павловича: «Я уеду в свое имение». При этом поражает сходство этой мысли с основным содержанием коллективного прошения великих князей, написанного на следующий день.

Граф В. Б. Фредерикс обещал послать ответ Николая Михайловича, или, как он сам его назвал, «бумажку», в тот же вечер,³⁷ но Николай II получил его лишь на следующий день, 29 декабря. Со слов министра двора Николай Михайлович потом напишет Ф. Массону, что «император ее (бумажку. — Е. П.) прочел и выразил желание сохранить; но граф Фредерикс ее забрал, опасаясь, что бумага попадет в руки гессенской тигрицы (императрицы Александры Федоровны. — Е. П.), сказав, что обязан поместить ее в архивы Императорского Двора».³⁸

Фраза из письма Николая II о «соответствующих мерах», видимо все-таки напугала Николая Михайловича. Причем испугался он не только за себя, но и за остальных великих князей, которые также говорили между собой об устранении императрицы. Это грозило положению всего великокняжеского окружения. Поэтому на следующий день, 29 декабря 1916 г. он без предупреждения приехал к великой княгине Марии Павловне.

Об этом визите сохранилось упоминание в двух источниках: дневнике Андрея Владимировича и воспоминаниях французского посла М. Палеолога. И хотя последний часто подвергается острой критике историков и источниковедов за многочисленные неточности, а порой и откровенные фантазии, в отношении данного эпизода оба источника во многом совпадают и частично дополняют друг друга.

Завтрак во дворце сына Марии Павловны, великого князя Кирилла Владимировича, начался около часу дня. Характерно, что, по воспоминаниям М. Палеолога, разговор касался «внутреннего кризиса, великой грозы, циклона, который начинается на горизонте».³⁹ После завтрака слуга доложил, что прибыл Николай Михайлович. И хотя французского посла оставили вместе с Андреем Владимировичем в другой комнате, сквозь приоткрытую дверь он увидел прибывшего великого князя: «Лицо его красно, глаза серьезные и пылают, корпус выпрямлен, грудь выпячивается вперед, поза воинственная».⁴⁰ Возможно, французский посол несколько преувеличил возбуждение Николая Михайловича, но его взволнованность можно понять. Его настроение подтверждают и замечания Андрея Владимировича о том, что великий князь громко говорил,⁴¹ и последовавшие затем события.

«Пять минут спустя великая княгиня вызывает сына», — вспоминает французский посол.⁴² По воспоминаниям Андрея Владимировича, Николай Михайлович рассказал о своем вызове к графу В. Б. Фредериксу, а затем стал говорить о ситуации в России как о движении к неминуемой катастрофе, о необходимости в грядущих тяжелых событиях «забыть семейные распри и быть всем солидарными», о том, что «последние назначения министров еще более подлили масла в огонь, при этих условиях открытие Думы будет невозможным».⁴³ Примечательна фраза дневника Андрея Владимировича, написанная вслед за этим: «В этом духе он развивал свои мысли, но все написать считаю пока неудобным».⁴⁴ О чем же считал неудобным написать Андрей Владимирович?

Согласно воспоминаниям М. Палеолога, великая княгиня передала ему, вернувшись в комнату, лишь вторую часть разговора, из которой посол сделал вывод, что среди князей зрел заговор. В этом французский посланник, конечно же, ошибался: о настоящем заговоре речи не шло, наоборот, великие князья вынуждены были расплачиваться лишь за свои разговоры о нем. Далее М. Палеолог приводит разговор с великой княгиней, в котором та, якобы, даже обмолвилась о возможности цареубийства:

«„Что делать! — воскликнула великая княгиня. — Кроме той, от которой все зло, никто не имеет влияния на императора. Вот уже 15 дней мы все силы тратим на то, чтобы попытаться доказать ему, что он губит династию, губит Россию, что его царствование, которое могло бы быть таким славным, скоро закончится катастрофой. Он ничего слушать не хочет. Это трагедия... Мы, однако, сделали попытку коллективного обращения, — выступления императорской фамилии. Именно об этом приходил говорить со мной великий князь Николай”.

Мы молча смотрим друг на друга. Она догадывается, что я имею в виду драму Павла I, потому что она отвечает с жестом ужаса:

„Боже мой! Что будет?”».⁴⁵

Их диалог прерывает слуга, сообщающий, что «вся императорская фамилия собралась в соседнем салоне и ждет только ее, чтобы приступить к совещанию».⁴⁶ Результатом его явилось создание коллективного послания.

Вряд ли можно согласиться с использованием этого диалога в «Истории Гражданской войны в СССР», изданной в 1936 г., как одного из доказательств существования заговора буржуазии. Наоборот, совершенно точен комментарий В. С. Дякина в его монографии «Буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны» к этому разговору: «Великокняжеский заговор, если он вообще имел место, свидетельствовал больше о растерянности, чем о серьезных планах».⁴⁷

Однако в данном случае нас интересует то, что инициатором великокняжеского прошения был великий князь Николай Михайлович. Согласно дневнику Андрея Владимировича, к половине третьего во дворец «приехали Мари, Иоанчик, Еллен, Гавриил, Костя, Игорь, Сергей Михайлович, Кирилл и Деки»⁴⁸ (великая княгиня Мария Павловна мл., князь Иоанн Константинович, княгиня Елена Петровна, князь Гавриил Константинович, князь Игорь Константинович, великие князья Сергей Михайлович, Кирилл Владимирович, великая княгиня Виктория Федоровна. — *Е. П.*). Если учесть, что завтрак начался в час дня, а Николай Михайлович приехал после его окончания, то эта запись означает, что во дворец прибыло 9 (!) великих князей самое большее за 45 минут! Великие князья не собирались в течение недели с момента высылки Дмитрия Павловича. Такая поспешность могла быть вызвана только одной причиной:

боязнию за собственную судьбу. Именно об этом испытанном им чувстве, страхе, и разговорах о нем и боялся Андрей Владимирович написать в своем дневнике. Зато он отметил, что «все семейство крайне возбуждено, в особенности молодежь, их надо сдерживать, чтобы не сорвались».⁴⁹

Характерным совпадением является и тот факт, что в тот же день, 29 декабря, из Москвы Николаю II направила письмо великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра императрицы, в котором она предлагает рассматривать убийство Г. Е. Распутина как «дуэль, и считать актом патриотизма».⁵⁰

В страхе за собственную судьбу великие князья принимали решение о том, что делать. Выступить открыто не хватало смелости: «Во время сегодняшнего сбора обсуждали возможное приглашение на 1 января в Царское Село и что делать. Николай Михайлович заявил нам сегодня, что не поедет ни за что в Царское Село, так как не желает целовать руки... Но все же решили ехать».⁵¹ Писать коллективное письмо с политической программой для великих князей было немислимо не только из-за того, что ее у них не было. Выступить в защиту Николая Михайловича, разгласившего великокняжеские разговоры, означало для великих князей опасность тоже быть высланными из Петрограда. Тогда, вероятно, и пришло решение возобновить старую попытку отправить коллективное прошение об изменении места ссылки для Дмитрия Павловича. Однако если подставить в письмо имя Николая Михайловича, а вместо названия имения Усово — имение Грушевка, принадлежавшее этому великому князю, тогда становится понятен истинный смысл письма. Теперь вместо имени «Дмитрий Павлович» каждый из великих князей мог поместить свое собственное имя.

Умоляя Николая II сменить гнев на милость, великие князья защищали в первую очередь самих себя. Они были против самой возможности ссылки кого-либо из них, понимая, что на следующий день может наступить черед следующего. Здесь явно проглядывает аристократический снобизм великокняжеской семьи: «Вашему Величеству должно быть известно, в каких тяжелых условиях находятся наши войска в Персии...» и «Пребывание там великого князя будет равносильно для него полной гибели...». Голубая кровь великих князей позволяла им проводить границу между собой и «пушечным мясом» рядовых солдат.

Разговоры и страх ссылки в великокняжеской среде дошли до великого князя Александра Михайловича, находящегося в Киеве. 2 января 1917 г. он писал своему брату великому князю Николаю Михайловичу: «Дошли слухи, что будто бы Государь желает во что бы то ни стало выслать меня из Киева, но этому противятся окружающие и даже А. (Александра Федоровна. — Е. П.), не особенно в это верю, но возможно, проживем-увидим».⁵² Слухи о высылке Александра Михайловича из Киева действительно были сомнительны.

Ни в одном другом великокняжеском послании так явно не выражена подобострастность и верноподданность, как в коллективном письме. Обращает на себя внимание и высокий слог прошения. «Горячо и усиленно», «смягчить ваше суровое решение относительно судьбы», «глубоко потрясен», «горячей любовью было всегда полно его сердце», «в каких тяжелых условиях», «ввиду... эпидемий и других бичей человечества», «горячо преданные и сердечно любящие» — ни одно предложение не обошлось без высокопарных оборотов. Все вместе звучит достаточно фальшиво, особенно для близко знавшего их человека, каким был Николай II.

Тогда не приходится удивляться сухости и строгости его резолюции в ответ на эту высокопарность: «Никому не дано право заниматься убийством. Знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне. Николай».⁵³

Намек Николая II на причастность многих великих князей если не к реальному заговору, то к разговорам о нем становится совершенно ясен в свете вышеприведенной версии о коллективном письме. Более того, в столь суровом ответе чувствуется и рука императрицы, всегда настаивавшей на том, чтобы ее муж был тверже в обращении со своими родственниками. Наконец, фраза «Удивляюсь вашему обращению ко мне» передает всю степень разочарования и возмущения Николая «предательством» великих князей, оставивших в тяжелую минуту императорскую чету в полной изоляции.

Поражение великих князей становится еще более очевидным, если учесть, что через день после написания письма был отправлен в ссылку Николай Михайлович, правда не в Персию, а в собственное имение Грушевку. Эта ссылка еще одного великого князя — отвержение коллективного прошения, притом, что местом ссылки было выбрано имение, — удовлетворение просьбы послания — являлась подлинным ответом Николая II на обращение великих князей. Этим он говорил им, что, признавая их родственную близость и принимая во внимание их просьбы, он не позволит им командовать собой.

Резкость ответа Николая II можно объяснить не только его осведомленностью о разговорах великих князей, но и тем, что Николай Михайлович продолжал вести себя вызывающе. 29 декабря 1916 г., т. е. в тот же день, когда было написано коллективное прошение, он вновь встретился с графом В. Б. Фредериксом. «Я объявил ему самым четким образом, что воздержусь от появления на встрече Нового года в Царском, чтобы не провоцировать, как всегда, инцидента с Мессалиной Дармштадской (Александрой Федоровной. — *Е. П.*). Старик стал смеяться и закончил заверениями, что все уладит», — писал великий князь в письме Ф. Массону.⁵⁴ Неудовлетворенный этим обещанием Николай Михайлович направил утром 31 декабря письмо Николаю II.

В письме Николай Михайлович просил распоряжений о подготовке будущей послевоенной конференции. «Это было достаточно умно придумано», — замечает он о собственной идее.⁵⁵ Фактически подобной просьбой он ставил Николая II перед выбором: либо он допускает Николая Михайловича к политической деятельности, либо полностью отвергает его.

В тот же день великим князьям было возвращено их прошение с резолюцией, которая была процитирована и проанализирована выше. А 15 минут спустя после Нового года фельдъегерь принес Николаю Михайловичу ответ императора на его личное письмо: «Очевидно, что граф Фредерикс все преувеличил: он должен был передать тебе мое устное распоряжение покинуть столицу и на два месяца поселиться в твоём имении Грушевке. Я прошу тебя сообразоваться с моими указаниями и не появляться на завтрашней встрече. Воздержись от занятий делами будущей конференции. Я возвращаю тебе бумаги, касающиеся комиссии по столетнему юбилею Александра II. Ники».⁵⁶

Николай Михайлович отстранялся от дел и высылался в имение. Все двусмысленности последних дней были свалены на престарелого министра двора. Скандал на новогоднем приеме из-за возможного отказа великого князя целовать руку императрице был предотвращен. Сам Николай Михайлович отмечал «авторитарный тон» в начале и

«Я прошу тебя» потом, так же как и подпись уменьшительным именем вместо Николая. «Заметно и психическое расстройство мужа Мессалины (Николая II. — Е. П.), но в этот раз записка выдержана в таких выражениях, в которых чувствуется отсутствие ее влияния».⁵⁷ И действительно: подпись «Ники» оставляла некоторую надежду на восстановление отношений в будущем.

Ссылка в имение Грушевку была по сути удалением из столицы человека, который не столько представлял угрозу для царствующих особ, сколько лишь подрывал их авторитет своими разговорами в яхт-клубе. Убежденность императорской четы в его причастности к событиям 17 декабря 1916 г. говорит не об их осведомленности, а лишь о большой неприязни и предубежденности против Николая Михайловича. Великий князь выехал в имение вечером 1 января.

Таким образом, великокняжеское послание лишь частично достигло своей цели. Если в 1916 г. великие князья выступали оппозиционно по отношению к императору и его политике, исходя из своих убеждений и личных мотивов, то к началу 1917 г. они превратились в оппозиционеров из страха за свою судьбу. Это во многом определило их позицию во время Февральской революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Камер-фурьерский журнал императора Николая II. Запись 19 декабря. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 516 (доп.). Оп 1. Д. 21. Л. 94.

² Русская воля. 1917. № 10. 11 марта.

³ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. // Красный архив 1928. Т. 1 (26). С. 187.

⁴ Вчера и сегодня // Биржевые новости. 1917. 9 марта. С. 1.

⁵ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 188.

⁶ Там же.

⁷ Камер-фурьерский журнал императора Николая II. Запись 22 декабря. Л. 97.

⁸ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. Т. 2. С. 219.

⁹ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 188.

¹⁰ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 219.

¹¹ Там же. С. 220.

¹² Вырубова-Танеева А. А. Царская семья во время революции; Из книги «Страницы моей жизни» // Февральская революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.; Л., 1925. С. 386.

¹³ Николай II и великие князья: Родственные письма к последнему царю / Под ред. В. П. Семенникова. М., 1925. С. 117.

¹⁴ Вырубова-Танеева А. А. Царская семья во время революции. С. 386.

¹⁵ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 188–189.

¹⁶ Там же. С. 188.

¹⁷ Grand Duc Nikolas Mikhalovitch: La fin du tsarisme: Lettres inedites á Frederic Masson. (1914–1918). Paris, 1968. P. 144.

¹⁸ Ibid. P. 144.

¹⁹ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 188.

²⁰ Там же. С. 189.

²¹ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 171.

²² Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 188.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Родзянко М. В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 201–202. Автор по ошибке относит разговор к началу января («примерно в это ... время»), хотя он происходил 24 декабря.

- ²⁶ Записки Н. М. Романова // Красный архив. 1931. Т. 6. С. 97–98, 101–102.
- ²⁷ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. С. 171.
- ²⁸ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 220.
- ²⁹ Николай II и великие князья. С. 117.
- ³⁰ ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 23. Энгельгардт Б. А. Л. 27.
- ³¹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 146.
- ³² Записки Н. М. Романова. С. 106–107.
- ³³ Grand Duc Nikolas Mikhailovitch. P. 139.
- ³⁴ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 189–190.
- ³⁵ Grand Duc Nikolas Mikhailovitch. P. 139.
- ³⁶ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 189–190.
- ³⁷ Grand Duc Nikolas Mikhailovitch. P. 139.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 294, 296.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 189–190.
- ⁴² Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 294, 296.
- ⁴³ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 189–190.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 294, 296.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Дякин В. С. Буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Л., 1967. С. 164.
- ⁴⁸ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 189–190.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Письма великой княгини Елизаветы Федоровны // Источник. 1994. № 4. С. 37–38.
- ⁵¹ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 190.
- ⁵² Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна. М., 2000. С. 160.
- ⁵³ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 189–190.
- ⁵⁴ Grand Duc Nikolas Mikhailovitch. P. 139.
- ⁵⁵ Ibid.
- ⁵⁶ Ibid. P. 139–140.
- ⁵⁷ Ibid. P. 140.

С. В. Куликов

«В САМЫХ ЛУЧШИХ ОТНОШЕНИЯХ»

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО*

Один из наиболее важных аспектов истории всякой революции — проблема континуитета между правящими элитами старого и нового порядка. Освещение этого вопроса позволяет уточнить, а иногда и пересмотреть имеющиеся представления об уровне радикальности конкретной революции, который проявляется не только в системе органических мероприятий революционной власти, но и в ее самоопределении как относительно низвергнутого режима, так и относительно знаковых фигур, его персонифицировавших.

Экстраполяция поставленной проблемы на историю Февральской революции подразумевает анализ отношений между Временным правительством и бюрократической элитой.¹ Отношения эти во многом обуславливались исходившим со стороны

* Настоящая статья написана при поддержке Фонда содействия отечественной науке (Russia Science Support Foundation) 2005, номинация «Молодые кандидаты наук».